Колдун на завтрак

Автор:
Андрей Белянин

Колдун на завтрак

Андрей Олегович Белянин

Оборотный город #2

Нечистая сила пытается взять реванш, всей толпой охотясь на непокорного Илью Иловайского! Того самого, которому ведьма плюнула в глаз и теперь он нечисть сквозь любые личины видит и спуску никому не даёт! Ну удачи им в их безнадёжном деле…

А в лихого героя, похоже, всерьёз влюбилась сама грозная Хозяйка Оборотного города! Скорей бы под венец, вот только надо быстренько разобраться со злобным цыганским колдуном, изгнать кусачее привидение, дать в рыло чёрту, утопить в сене мстительную хромую чародейницу, сунуть в психушку доцента-кровососа, порубать банду молдавских чумчар, отдавить хвост бесу, переломать дюжину скелетов, наказать зарвавшихся учёных и поджарить саму Смерть с косой… уф!

Чего не сделаешь ради любимой девушки?

Андрей Белянин

Колдун на завтрак

Часть первая

Колдун на завтрак

– Иловайский!

…Не буду отзываться, не хочу. Ведь только сел, ножки свесил, удочку закинул – и нате вам: я снова всем понадобился. Замаяли!

– Иловай-ски-ий!

Нет меня. Совсем нет, весь вышел. Прохор и так не хотел никуда отпускать – войсковой смотр через две недели, я едва сбежал. Если вернусь без пескарей на уху, он же моё благородие как шпрота отстерляжит и не помилует…

– Ило-вай-ски-и-ий! – продолжал надрываться с яра рыжий ординарец. – Тебя его превосходительство Василий Дмитриевич зо-вё-от!

Уф… Против дяди не попрёшь. Заслуженный генерал казачьих войск Российской империи, любимчик царя, участник многих походов, увешанный наградами, украшенный боевыми шрамами, стало быть, человек повсеместно уважаемый. Кто я такой, чтобы с ним спорить? Да никто, непутёвый племянник по линии младшего брата, в скромном чине хорунжего и без единого геройского крестика на тёмно-синем мундире. То есть мне обещали, приказ о награждении вроде бы подписан, но цеплять на грудь пока всё равно нечего.

– Илова-а… ой… кх… тьфу, кажись, всё-о… горло сорвал! – уже едва слышно просипел дядин казак. И я сдался. Быстренько смотал удочки, сунул сапоги под мышку, поднялся по тропинке наверх и честно обнял рыжего ординарца.

– Прости, брат! Уже иду, ты мне по-любому всю рыбу распугал…

– Зараза ты, Иловайский, и, не будь генеральским племянничком, словил бы у меня леща! – осторожно держась за горло, прошептал он.

– Эх, ничего не понял, шипение одно… Но ты не напрягайся, суть я уловил – спешу исполнить приказ и лечу на крыльях любви к воинскому делу!

– Чтоб тебе дуб забодать по дороге! – скорее догадался, чем расслышал я. Но не обиделся, а, широко улыбнувшись красному от ярости дядиному ординарцу, поспешил босым ходом в село.

…Проезжавшая мимо ватага молодых казачков, спешащих до обеда выкупать лошадей на отмели, обдала меня клубами пыли. Самый первый попридержал кобылу и, обернувшись, громко крикнул:

– Эй, хорунжий, а чё, моя Ласка уже тяжёлая, ась?

– Твоя да! – поморщившись, буркнул я.

– А вот и врёшь, – счастливо захохотал хлопец, поглаживая кобылу по шее. – Не угадал, характерник, мы её ещё и под жеребца не пускали! Молода-то…

– Так я и не про кобылу говорил.

– А тады про кого? – затупил бедняга, краснея как маков цвет под нарастающие смешочки товарищей. – Ну у невесты моей прозвище такое, дык она… Она ж в станице, ей-то чё… Да будет вам ржать, черти, она ж меня с походу ждать обещалась! А ну стой, характерник, стой, я те говорю-у!

…Ну их, я ускорил шаг. Станичники, едва не валясь от гогота с неосёдланных лошадей, увели за собой неудачливого жениха непостоянной Ласки…

А откуда я всё это узнал? Понятия не имею! Кто ж меня, таинственного, разберёт что с поллитрой, что без?! Вот стукнуло в башку, и знаю ответ, а иной раз могу хоть часами лбом о печку в хате биться, да толку ноль, окромя большой шишки и всей башки в извёстке. Такой эксперимент и мне не в радость, и печей по селу не напасёшься…

Помнится, дядя всё грозился специальному фельдшеру столичному меня показать, дескать, характерничество это надо научным способом выявить, рассмотреть пристально и на пользу обществу поставить. А для того меня как есть всего, с ног до головы, хорошенько обследовать. Но только нашими лекарями! Немцы просто не поймут, а англичане ещё, чего доброго, и напортачат, им бы знай свой джин с ромом бутылями хлебать да на Россию-

матушку почём зря рожу кривить!

Это не мои слова, это дядины, его в последнее время буквально клинит на войне с Англией. Он постоянно, к месту и не к месту, вспоминает, как ему сам атаман Платов рассказывал, что ничего хорошего для донского казака в этом занюханном Лондоне и нет! Пиво горькое, говядина жёсткая, а ихним блюдом «оффсянка, сэр!» хорошо тока щели в полу от тараканов замазывать. Хотя, как бы и между прочим, тот же Платов сожительницу-англичанку в Новочеркасск за собой вывез, не постеснялся…

…В дивное сельцо Калач на Дону, где был расквартирован наш отважный полк, я опять заходил огородами. После недавних событий местные жители устраивали на меня настоящие засады с целью «стопорись, казачок, погадай честным людям!». А нашим крестьянам, как вы знаете, только разок сдайся, они из тебя верёвки вить начнут и с живого не слезут. Не говоря уже о том, что на меня за мои «гадания» калачинский батюшка давно косо смотрит. Наложит ведь епитимью, и никуда не денешься, мы, казаки, священников уважаем…

Уже только поэтому мне пришлось брать у Прохора уроки пластунства и частенько добираться до места дислокации змеиным переползанием под плетнями и заборами. К радости деревенских брехливых собак и шуточкам проезжающих верхами станичников, для которых в мирное время любая мелочь забава.

– Глянь, хлопцы, как хорунжий под лопухом ползёт! А ещё говорят, будто генеральский племяш совсем мышей не ловит. Вона, ловит же, да ещё как!

Мне оставалось лишь молча скрипеть зубами, мысленно обещая страшно отомстить каждому насмешнику поимённо. Или уж всем чохом? Не знаю, подумаю потом, на досуге…

Ну и в результате в очередной раз к ожидающему меня дядюшке, заслуженному генералу Всевеликого войска донского, самому Василию Дмитриевичу Иловайскому 12-му, я добрался не так чтобы очень уж быстро. А честнее сказать, настолько медленно, что мой нервничающий денщик уже дважды выбегал меня встречать к воротам.

– Тебя где мохнатые черти за казачий чуб носят?! – привычно ворчал старый Прохор, заботливо подпихивая меня в спину. – Он невесть где бродит, а я на взводе! Дядя ругается, со стеной бодается, ординарец бедный забегался бледный, а тебя, шалопая, ничё не колупает!

– А почему, собственно, меня должно что-то колупать? – вяло отбрёхивался я. – «Колупать» значит расковыривать, и при чём здесь это? Нет на тебя конструктивной критики, Прохор…

– И то верно. – Он согласно покачал седеющей бородой. – Да тока не меня в хате генерал с конструктивной нагайкой дожидается.

– Хм… дело серьёзное?

– Дык сам и спроси. Уж коли совсем убивать начнёт – зови на помощь! Вдвоём сгинем, не так обидно!

В умении ободрить и утешить моему денщику просто нет равных. Это ещё при том, что он меня искренне любит, заботится, учит жизни и оберегает от лишних шишек. Ну, в том смысле, что шишки я себе успешно набиваю сам, а он обычно контролирует это дело со стороны. Но если эту же (чтоб её в третий раз!) шишку мне решит поставить кто-то другой, да ещё по-подлому, сзади, исподтишка, – то вот тут-то злодей и ощутит всей плоскостью носа тяжёлый кулак верного Прохора! И я не оговорился – после удара старого казака там действительно будет именно «плоскость носа». Впрочем, сейчас речь не об этом…

– Ну заходи, заходи, Иловайский, – сурово поприветствовал меня мой знаменитый родственник по отцовской линии казачий генерал Василий Дмитриевич.

Я молча вошёл, поклонился и начал расстёгивать мундир.

– Ты чего это?

Я аккуратно снял китель, сложил его согласно уставу, постоял так, на миг задумавшись, а снимать ли белую рубаху…

– Ты чего это тут разнагишался, как вшивый в бане?! – уже с достойной нотой раздражения начал недоумевать дядюшка.

Я жестом попросил его убраться с оттоманки, снял-таки рубаху, лёг ничком и тихо попросил:

– Только по голове не бейте.

– Иловайский, ты… что, совсем уже?! Я тебя…

– Ваш ординарец сказал, чтоб я бежал немедля, ибо вы в гневе! Прохор то же самое подтвердил, а раз такое дело, так смысл тянуть? Всё одно поротому быть… Бейте!

– Ну ты… будет врать-то. – Дядюшка, кажется, опять позволил себе впасть в чисто детские обиды. – Вставай, те говорят! Ишь чё удумал, можно подумать, я тя тока и зову затем, чтоб бить!

– В подавляющем большинстве случаев, – горько подтвердил я, не вставая.

– А вот и врёшь!

– Есть свидетели.

– Что?! – уже побагровел он, лихорадочно ища, где, куда сунул свою дорогую нагайку с рукоятью в серебре, плетённую из бычьей кожи и тяжёлую в ударе, как берёзовое полено. – А ну зови их сюда сей же час! Всех зови! Я с ними по-своему, по-свойски перебеседую, как я тя, стервеца, кажный раз тока и делаю, что бью!

– Это приказ? – приподнялся я. – То есть могу идти выполнять?

– Какой приказ… Да тьфу на тебя, Иловайский, совсем заморочил голову старику! Я ж тебя не за этим звал, а по службе.

– Тогда рад стараться. Чего надо-то?

– Кофе подай. – Генерал бесцеремонно турнул меня с оттоманки и тяжело сел, расстегнув три верхние пуговицы мундира. – Слыхал небось, что вчера из табуна полкового две кобылы пропали?

– Не-а, мне и с вашим арабом на конюшне проблем хватает. Не поверите: то убери у него, то выкупай, то сено замени, то хвост расчеши. Хорошо ещё кофе не просит… капризная скотина…

– Так вот, о чём я? – к счастью не особо вслушиваясь в мою болтовню, продолжал он. – А сегодня с утра ещё трёх коней недосчитались. На волков грешить повода нет, мужики деревенские к табунам и близко не подходят, что ж за напасть такая?

– Так за рекою табор, – не думая, ляпнул я, вновь одеваясь. – Все лошади наши там. А крали их два цыгана – один рябой, левым глазом косит и передний зуб выбит, второй хромает и лыс, в ухе серьга золотая, семейная, говорят, удачу приносит.

– Ах ты ж молодца, Иловайский. – Дядя с благодарностью принял от меня кружку кофе, который всегда пил по-походному, на турецкий манер (просто заливая мелко смолотые жареные зёрна крутым кипятком). – Вот это и будет твоя служба!

– С чего ж моя?! Нешто у нас казаков других нет? Я ж вам по-характерному всё расписал. Всех делов-то теперь – пойти да лошадей вернуть, ну и кого надо нагайками отходить за конокрадство!

– А ты тут поперёк мнению атаманского стратега великого из себя не строй! Небось не все вокруг дураки-то? – Мой важный родственник значимо приподнял бровь, с наслаждением отхлебнув настоявшийся кофе. – И без тебя про цыган хлопцы прознали, да в табор ещё на заре десяток казачков верхами махнули разборки чинить. А тока нет там наших коней…

– Как нет? – теперь уже недопонял я. – Быть того не может. Разве перекрасили только или…

– Да нет, говорю же, торопыга ты горячая! Другие у них кони, не нашей породы, не жеребцы донские. А дончака как ни крась, стать-то не переделаешь. Вот и

вернулись парни ни с чем.

– Ничего не понимаю…

– И я не понимаю, потому и тебя звал. Бери-ка своего Прохора, седлайте лошадей – араба не тронь! – и дуйте до того табора. Глянь там глазом своим волшебным, что да как… Может, то чародейство цыганское морок наводит? Ну а не справишься, так не взыщи…

Я опять молча начал снимать мундир.

– Иловайский, не заводи меня!

– А вы с такого заводитесь?! – Я сделал удивлённое лицо. – Господи, помилуй мя грешного…

Дядя с полминуты соображал, на что я намекаю, а когда просёк, сорвался с оттоманки, расплёскивая кофе, лихорадочно ища по углам ту самую тяжёлую нагайку.

Мне оставалось неторопливо застегнуться, оправить одежду, козырнуть и горделиво выйти вон. Ну, почти горделиво, до последнего момента…

– Нашёл! Ну всё, охальник…

А поздно, я уже вовремя вылетел вон. Прохор выпустил меня и терпеливо удерживал спиной дверь, пока за ней маниакально бушевал мой именитый родственник.

– Запорю! В солдаты лоб забрею! Маменьке его в станицу нажалую-у-усь!!!

– Шёл бы ты отсель, ваше благородие, – честно попросил меня старый казак. – На конюшне встретимся, ты покуда в дорогу соберись, двух лошадок поседлай, пистолеты проверь, сапоги начисть.

– Э-э, друг любезный, с чего это ты перекладываешь на меня свои прямые обязанности?!

– Дак я ж занят, дверь держу. Хотя могу и отпустить…

– Не надо! – Я решительно рванул от генеральской хаты, не дожидаясь худшего. Дядюшка Василий Дмитриевич всё же покрепче Прохора будет, разойдётся всерьёз – снесёт моего денщика вместе с косяком и бедной дверью…

Поэтому до конюшни я летел не оборачиваясь, как черкесская пуля. Собраться, вооружиться, подготовить коней и верхами из села, хоть к чёрту в зубы, там генерал уж точно не достанет. Главное, вернуться до темноты, потому как у меня на вечер свои планы. Личные. Маленькое свидание, сами понимаете, а где и с кем, я не скажу…

Прохоров мерин вышел из стойла спокойно и даже флегматично. Как и большинство донских жеребцов, он реагировал лишь на приказы хозяина, грохота выстрелов не боялся, от порохового запаха и криков не шарахался, а мне подчинялся лишь потому, что знал меня. Оседлать его было делом минутным, а вот дядюшкиного араба…

Ну мало ли что мне строжайше запретили брать его с собой?!

И ежу понятно, что не собираюсь я перед таким опасным заданием пересаживаться на свою кусачую кобылу, когда благородный дядюшкин жеребец мается без дела, изнывая от скуки! Во-первых, мы друзья, и не взять его с собой – значит обидеть ранимую конскую душу. Во-вторых, что бы там мне ни запрещал по этому поводу дядя, ему араб до вечера ни по какой статье не понадобится. Чего ж зря томить животное? Нет в этом ни логики, ни смысла, ни порядочности…

Разумеется, у меня, как вы понимаете, была своя штатная кобыла, мне её маменька по дешёвке купила, когда отправляла на службу. Но эта капризница кусалась как зараза (не маменька!!!), а порой и до крови, только успевай зализывать! Так ведь, согласитесь, и залижешь не везде, а Прохора просить неудобно. Я её и уговаривал, и по морде давал, и сахаром кормил, и плетью учил – всё без толку: кусается, и баста! Поэтому маленький стройный араб был для меня единственным спасением. Так эта мстительная кобылятина теперь делала вид, будто тоже меня в упор не замечает, а сама сбежит из табуна, подкрадётся сзади, тяпнет – и тикать! Ревность у неё, видите ли…

– Ты со мной или нет? – не выдержал я, когда уже в четвёртый раз белый жеребец ловко увернулся от оголовья. – Ей-богу, мне сейчас не до игр, меня там цыгане ждут, причём всем табором, с гостеприимно распростёртыми объятиями. И если есть желание посмотреть, как живут их лошади на воле, чтоб быстро сам оседлался и через две минуты был готов к парадному выходу!

В ответ эта арабская скотина прыгала вокруг меня козлом, фыркала мне в нос и игриво шлёпала роскошным хвостом мне же пониже поясницы. У него шаловливое настроение, а у меня служба горит, мне до вечера вернуться надо. Да ещё с победой, то есть с нашими украденными лошадьми, иначе фигу кто меня на свиданку отпустит, а очень надо! Очень, очень!

– Сил моих на тебя больше нет, – сдался я, положив седло на землю и устало опускаясь сверху. – Ты к нему со всей душой, а он к тебе со всей задницей. Ну, раз не хочешь ехать, марш в стойло и сиди там до тех пор, пока тебя Василий Дмитриевич к себе под седло не затребует! А он тяжёлы-ы-ый…

Весело скачущий жеребец мигом навострил уши, замер на одной ноге, взвесил в уме, что к чему, произвёл несложные математические вычисления и стал передо мной как лист перед травой!

– Да ну тебя, – уже в свою очередь обиделся я. – Сам седлайся, делать мне больше нечего…

Теперь уже бедный араб бегал за мной как собачонка, таская в зубах уздечку и умоляюще заглядывая в глаза, словно прося всем видом сменить гнев на милость, лишь бы я не возвращал его дяде.

– Ваше благородие, да что ж ты стока возишься? – возмущённо прикрикнул мой денщик, появляясь у забора. – Служба-то не ждёт, поди, да и дело пустяковое – на рысях до табора сгонять и…

– Живыми бы вырваться, и то ладно, – откликнулся я, прежде чем успел сообразить, что, собственно, говорю.

Но Прохор отнёсся к моим словам с пониманием. Я ж для него характерник, не абы кто, мне будущее ведомо и границы всех миров раскрыты. Могу пропажи отыскивать, на любых языках говорить, судьбу предсказывать, погоду изменять,

кровь заговаривать, клады открывать, болезни обманывать, супротивников в бою, не касаясь и пальцем, с ног валить…

Ха! Щас! Разбежался! Несусь со всех ног, перешёл с рыси на кавалерийский галоп, закусил удила и рву грудью финишную ленточку. Конечно, всё это, может, какие другие великие характерники и умели, а я и со своей-то головой не всегда управляться успеваю, хотя и приятно, что хоть кто-то в меня так верит…

– Леший с тобой, иди уж, так и быть, оседлаю. Но это в последний раз, сам учись! – Я привычно поворчал на араба, и спустя пару минут мы с ним были готовы к походу.

Посерьёзневший Прохор не поленился сходить за длинным ружьём, сунул за пояс два пистолета, даргинский кинжал в простых ножнах за голенище сапога, повесил через плечо саблю, а за другое голенище толкнул тяжёлую плеть с вшитой на конце пулей.

– Пику забыл, – по ходу дела напомнил я.

– И то верно, – согласился денщик, опять убежал и вернулся уже со строевой казачьей пикой, страшно довольный тем, что вооружился до зубов. И ведь не похихикаешь над ним, раз сам сказал, что дорога может быть опасной. Ляпнул, что в голову стукнулось, но обычно такие вещи чаще всего и сбываются.

Под суровым взглядом моего старшего товарища я тоже проверил дедову саблю и сунул за пояс бебут. Огнестрельного оружия брать не буду, и так у нас на двоих целый арсенал, а мы в табор всё ж таки на разговоры едем, а не с целью поголовного геноцида.

– На смерть поехали, казачки? – скорбно приветствовал нас седой как лунь старичок на завалинке у соседнего дома.

Мы, не задумываясь, козырнули: нельзя не уважать старого человека, даже если он несёт полную хрень, невежливо это…

– А и то по мордам сразу ж видно, чё убьют, – ни к кому особенно не обращаясь, громко продолжал дед. – Оружия-то с собой набрали, аж стыдобень… Боятся,

поди…

Мой денщик невольно придержал коня, но я потянул его за рукав: плюнь, не задерживайся, старичку по жизни заняться нечем, будет цепляться ко всему, лишь бы внимание обратили.

– Да-а… Измельчал народец! – уже вслед нам продолжал надрываться обманутый в лучших ожиданиях дед, тряся клюкой. – Казаки оне! Я б вам показал казаков-то! А ну пошли отсель вон! Вона с моей улицы, с мова села, моей губернии! Казаки оне… Настоящие-то казаки, поди, за такие слова меня б давно убили-и!

Милейший у нас народ, не находите? Вот и я о том же. Обычно меня Прохор от таких типов за уши оттаскивает, но иногда и сам срывается. Лезет чего-то объяснять, доказывать, отстаивать правду-матушку, которая по большому счёту заводиле спора и близко не нужна. Им бы лишь прокукарекать, а там пусть хоть не встаёт! Да ещё хвалиться будут: вот, мол, поймал казака, всё ему высказал, а он тока за нагайку хвататься и может, на большее Господь ума не отпустил…

– Ты о чём призадумался, хлопчик?

– О недалёком будущем, – вяло откликнулся я. – Чую, что встреча с этим буйным старичком не была случайной. Она, как бы это повнятнее выразиться, словно некий сколок, срез тех нравов внутри общества, что ожидают всех нас лет эдак через двести с хвостиком…

– Да ты до той поры ли жить собрался? – ухмыльнулся в бороду мой денщик. – Плюнь им в харю, тебя оно парит? Нам там не жить, водку не пить, кашу не кушать, умников не слушать!

– Это ты про Чудасова вспомнил? – улыбнулся я. – Думаю, твои рифмы он больше критиковать не станет, на селе говорят, уже давненько из своего дома не выезжает. Может, больной или на люди показываться стыдится…

– Он на голову больной, потому и на люди показываться стыдится, – чуток поправил меня Прохор, когда мы на лёгких рысях выезжали за околицу.

Погоды стояли дивные – мягкий конец августа с тёплыми, без удручающей жары деньками, высокое солнце, бездонное небушко, в которое можно смотреть вечно, откинувшись всей спиной на круп коня, и в котором словно отражаются, как в огромном зеркале, синие, зелёные и жёлтые просторы. Степь со всем маково-васильково-ромашковым многоцветием, изумрудные рощицы, шумные ручьи в бархатной камышовой оправе и разливающийся по весне на далёкие вёрсты щедрый и могучий, сияющий во всей красе Дон-батюшка. Дивная у нас родина, право, нет такой второй, а эту нам сам Всевышний от всего сердца даровал…

Меж тем дорога свернула к перелеску, где прямо на обочине, расстелив белую тряпочку, чинно-мирно трапезничал старый еврей-коробейник в затёртом лапсердаке и широкополой шляпе. Обычно такие вот мелкие торговцы ходят от села к селу, предлагая всякую необходимую мелочь вроде иголок, пуговиц, напёрстков да лент, где-то приворовывая, где-то разнося последние сплетни, но в целом честно зарабатывающие свой нелёгкий хлеб. Он же нас первым и поприветствовал, сняв шляпу и обнажая блестящую от пота плешь.

– Добрый день, добрый день! Какие кони, какие люди! Не приведи бы война, как мы любим казаков, это ж надо знать, и таки счастливой вам дороги!

Прохор вежливо козырнул, но не более, а я задумался: что-то неправильное было в этом персонаже малоросских сказок и анекдотов, заставившее меня чуть сжать колени, удерживая жеребца.

– Святой Моисей, что видят мои глаза, – ахнул он от изумления, надевая шляпу набекрень. – Такой вежливый молодой человек, прямо с лошади интересуется, как идут дела у старого еврея?! Ни боже мой, шоб я подумал, что оно вам действительно дико интересно, но таки как же приятен сам факт!

– А я вообще любопытен от природы, вот и думаю себе: да чего ж это чёрту в наших краях понадобилось?

– Не так громко, молодой человек. – Резко побледнев, старик с кривой улыбкой указал на моего оборачивающегося денщика и взмолился: – Шо я вам сделал? Сижу тихо, ем куриное яйцо, чёрствый хлеб и полезную луковицу. Зачем сразу во всё вовлекать посторонних?! Ну таки да, я чёрт. И шо?

– Прохор, всё в порядке! – Я полностью сосредоточился на магическом зрении.

Под личиной старого еврея оказался довольно молодой чёрт моих лет, с чеканным профилем, коровьими рогами и подозрительно честными глазами навыкате. Впрочем, у большинства нечисти лицо всегда доброе, иначе ей себя не прокормить…

– Таки позвольте, я угадаю. – Правильно поняв, что сдавать его прямо сейчас не будут, коробейник вернулся к той же наигранной, псевдоиудейской манере речи. – Вот и шо мне упорно говорит, что вы есть Илья Иловайский? Нет, я могу ошибаться, но в моём возрасте оно простительно, когда вы, не дай бог чтоб скоро, лучше потом, но вдруг доживёте до таких же лет, то скажете: «Ага! Да ведь тот старый поц, гореть ему в аду за чужие грехи, был-таки прав». Значит, вы – он?

– Да. И вы тут не просто так.

– Вы – это он. – Чёрт с уважением прицокнул языком. – Хорунжий, который видит сквозь личины и способен многим испортить хорошую музыку. Угадаю ещё раз: вы едете за реку в табор? И почему я так думаю, что ничего хорошего вам там близко не обломится…

– Ваше благородие, – не выдержал Прохор, – да завязывайте ж вы пустые разговоры. Служба не ждёт!

– Ой, ведь как вы правы! – громко откликнулся чёрт, приветливо помахивая ему ручкой. – Таки я не буду никого задерживать, а потому быстро пойду с вами. Не надо благодарить сейчас, потом, как разбогатеете, что-нибудь у меня купите, из того, что залежалось! Одна минута на сборы – и я ваш! Вы не поверите, как быстро умеют ходить старые евреи за казачьими скакунами-и…

Я лишь на минутку задумался, а потом согласно кивнул. Пусть идёт. Он тут не случайно, он ждал нас, а значит, дело и впрямь непростое. Поговорим по дороге…

– Таки едем в табор, за лошадками, – уверенно начал чёрт, мигом собравшись и бодро засеменив рядом, но не задавая лишних наводящих вопросов. – Дело простое и ясное, дедукции не требующее: цыгане украли лошадей, казаки

поехали и не нашли. Кого тогда отправят искать? Характерника! А кто таки у нас тут характерник? Илья Иловайский, хорунжий, лихо отметившийся в битве с галантными французскими скелетами в Оборотном городе. И кому оно было надо?

– Сам не знаю, – честно задумался я. – Мне и самому непонятно, с чего это цыгане в полковой табун полезли? Наши ведь с ними не церемонятся, так поперёк спины нагайками распишут, что хоть в зоопарке тигрой бородатой устраивайся…

– Вы серьёзно насчёт нагаек? – Чёрт-еврей зябко передёрнул плечами. – Нет, мне оно на себе проверять не улыбается. Но вы едете в табор, куда вас заманили и где давно ждут. Оно вам надо? Таки вот мне – нет! А почему?

Я выдержал паузу. На самом деле мне-то стало ещё более интересно: если кто-то не очень хороший устроил заварушку с похищением казачьих коней, заведомо рассчитывая, что на разборки пошлют меня, то… И почему у нас при полку артиллерия не приписана? Чую, одна пушка с картечью сейчас очень бы не помешала.

– Вы ждёте ответ на моё «почему»? Вы его дождались! Это был мой табор, я с ним ходил, я его крышевал, а тут припёрся этот Птицерухов и… – Мой собеседник вытер злую слезу. – Сами знаете, Илюшенька, шо бывают нормальные евреи, а бывают жиды пархатые. Таки вот он – из последних! Но я вам помогу…

Чудны деяния Божьи, чуть не присвистнул я. Вот уже и черти казакам помогать готовы, лишь бы мы им справедливость восстановили, хотя, с другой стороны, у них ведь там вообще сплошное беззаконие. Разве что…

– Так это не Хозяйка тебя послала, а сам додумался?

– Не, то меня дядюшка ваш упросил, – обернувшись, откликнулся старый казак. – Я-то сам чего у цыган не видал? Бабок, на руку нечистых, девок в ношеных монистах, белозубых да мясистых, спереди да сзади Нюры, Нонны, Нади…

– Да я не тебя спрашивал!

– А кого ж?

И точно, с кем это я, вообще, разговариваю – бодрого старого еврея и след простыл! Черти, они такие, за ними глаз да глаз… Вечером непременно спрошу у Катеньки насчёт этого типа. Ей по волшебной книге-ноутбуку всякую нечисть пробить, как Прохору барсука с лисою матерно обрифмовать, – пару минут с лихвой предостаточно.

Эх, Катя-Катерина, любовь моя кареокая! Доживу ли до минуты сладчайшей свидания нашего, дотерпит ли сердце ретивое до вечера, одаришь ли поцелуем нежным уста казачьи? Вот ведь запала красна девица в душу, и дня без образа её светлого помыслить не могу. Только-только глаза прикрою – так и встаёт передо мной личико её нежное, губы полные, ресницы длинные, грудь налитая… такая вся… из разреза рубашки накатывает и с головой накрывает, словно волна морская! И уже дыхание спёрло, и по всему телу томление приятное, и мысли воспарили…

– Ты уснул в седле, что ль, ваше благородие? – развеивая в прах и перья белые крылышки моих матримониальных мыслей, вклинился заботливый басок моего денщика. – Так просыпаться давай! Вон ужо и табор на горизонте кострами небо коптит. Прибыли…

Действительно, вдали, в чистом поле, были видны несколько цыганских кибиток, небольшой табун лошадей и столбы дыма от трёх костров. Вроде бы и гитарный перезвон слышался, но тут могу ошибаться, подъедем поближе, тогда скажу наверняка. Кого там рекомендовал опасаться старый еврей, какого-то Птицерухова? Странная фамилия, хотя цыганщиной и отдаёт неслабо…

Прохор ещё раз проверил пистолеты и кивнул мне:

– Ну что, идём ли?

– А куда деваться-то… – вздохнул я. – Сейчас они нас выслушают, убьют – и по домам. То есть накрылось моё вечернее свидание медной посудой с перезвоном…

– Ты мне поминальные разговоры брось, характерник! – строго прикрикнул старый казак, на ходу не стесняясь треснуть меня по спине древком пики. – Иди

вон лошадей наших ищи! А с ихним цыганским бароном я и сам по-соседски побеседую…

Почему нет? Какая разница, кто чем займётся, если пятки у меня уже так и жгло огнём через каблуки, хоть стягивай сапоги и чеши, не слезая с седла. Верный признак смертельной опасности, помню ещё по прошлому разу, когда мы рубились с восставшим из земли французским скелетом…

Да уж, поторопился ты, казачок, любимой девушке вечернюю встречу назначать, в чувствах признаваться, сердце под ноги класть. Не уйти тебе отсюда живым, не для того тебя сюда чужая воля за руку вела заклания жертвенного ради. Хорошо, если хоть помолиться напоследок успеешь да перед Господом с чистой душою предстать, а не…

Тьфу! Что ж за хрень такая чужеродная лезет в голову?! Это ж не мои мысли! Так кто посмел на мозги казачьи такой кислотой липовою из пипетки капать, а?! Надо разобраться…

Я приподнялся на стременах, из-под руки выглядывая Прохора, – он уехал далеко вперёд, в центр круга, к большому костру, где его сразу гостеприимно окружила шумная толпа цыган. Ладно, раз уж сам предложил, пусть сам и справляется, а я покуда действительно лошадок проверю.

Благо табун был небольшой, голов двадцать. В чистом поле, у небольшого болотистого озерца, паслись разномастные цыганские кони, крепенькие и поджарые, с хитрыми и даже в чём-то наглыми мордами. Они отмахивались хвостами от мух и слепней, делали вид, что не замечают ни меня, ни красавца-араба, а сами только и зыркали по сторонам, словно ища, где бы чего стырить…

Ей-богу, казалось, если животные в реальности могут перенимать черты своих хозяев, что эти горбоносые коняги ритмично притоптывали копытцами, широко улыбались, скаля крупные зубы, подмигивали и разве что не предлагали: «Позолоти копытце, молодой! Ай, давай погадаю!» Даже мой араб покрепче закусил удила и напряжённо глядел себе под ноги, словно боясь, что его здесь без подков оставят.

– Ну, что скажешь, брат мой галопирующий? – Я успокаивающе потрепал жеребца по крутой шее, магическим зрением окидывая табун.

Дядюшкин араб повернул голову, типа нашёл двуногого родственника, и выразительно повернулся всем корпусом влево. Там, у деревца, потерянно стояли пять стреноженных колченогих кляч с впалыми боками и в парше. Если бы в своё время ведьма бабка Фрося не плюнула мне в глаз, я нипочём не опознал бы наших украденных скакунов… Личины были безупречны! Думаю, даже сами кони пялились друг на друга в немом отупении, где-то в глубине мозга искренне считая, что сошли с и так небольшого ума…

– Полдела сделано, – удовлетворённо шепнул я арабу. – Осталось малое: найти того, кто это сотворил, заставить расколдовать, обязать не заколдовывать впредь, забрать лошадей, дружески попрощаться с цыганами, вернуться живыми в расположение полка, сдать коней в табун, и всё! Свобода! Вечером могу удрать на свидание!

Жеребец заинтересованно навострил уши.

– Нет, тебе со мной нельзя, даже не уговаривай. Забыл, как в прошлый раз напугал Катеньку всем своим здоровым… энтузиазмом?! Ну и что с того, что в тот момент она была кобылой! Она – Хозяйка, её право, кем быть, хоть умницей-раскрасавицей, хоть домашней скотиной. Женщины, брат, существа непредсказуемые…

Дядюшкин араб разочарованно повесил хвост.

– Интересно, а чем там наш храбрый Прохор занимается? Неужели развлекает местное население своей версией текста цыганочки, – продолжал вслух размышлять я. – Стишки забавные, но мата много, детям слушать не рекомендуется, слишком много вопросов потом задают и спят нервно…

Араб, любопытствуя, поднял правое ухо.

– Цыганочка Аза-Аза, повернись ко мне два раза… – постучав себя кулаком в грудь и прокашлявшись, пропел я, сознательно выбирая самую невинную строчку.

Со стороны табора раздался пистолетный выстрел. Значит, стихи всё-таки не прокатили, нынешние цыгане – публика привередливая, в народной поэзии

разбирается, тоже знатоки фольклора…

Дядюшкин жеребец сделал эффектную свечку, больше рисуясь перед местными лошадками, и со всех ног понёс меня на выручку другу. Цыганские кони, злобно оскалив неровные жёлтые зубы, демонически ржали нам вслед, но в погоню не ударились. Может, потому что и так знали, чего нас там ждет, и коварно не вмешивались? А может, я просто на них наговариваю. Магическое зрение делает человека подозрительным ко всему. Мне вот, в частности, уже и родного дядю порой подозревать доводилось, да и того же Прохора временами… Я не слишком много болтаю?

– А ну рассыпься, неверные! Прекратить кашеварить моего денщика! – Араб врезался грудью в плотную толпу цыган, пытавшихся запихнуть старого казака в котёл с супом. – Не сметь варить из казачьего сотника непонятно что с сапогами всмятку!

Недовольно ворча, плечистые цыгане отпустили повязанного в сложный узел Прохора и рассосались по сторонам, пряча за голенища короткие, бритвенно-острые ножи. На меня смотрели неприязненно, но с улыбкой во всё лицо – всё-таки эполеты хорунжего имеют вес: хоть и младший, да офицерский чин. За нападение на офицера можно всем табором на каторгу загреметь, под Магаданом белым медведям за тюлений жир на ладонях гадать, а оно кому надо? Ни цыганам, ни медведям, да и те же тюлени тем более не обрадуются, они вообще флегматичные…

– Ай, молодой, красивый, зачем сюда пришёл, чего ищешь – не найдёшь, а туча чёрная над головой твоей уже крылья раскрыла… – привычно загнусавила самая старая бабка, страшная как грех, с горбом, в дичайших пёстрых юбках, трёх кофтах, драном платке на разбойничий манер и с кривой трубкой в щербатой пасти. – Злой человек тебя сюда направил, нечестное дело сотворить приказал, смерти твоей хочет…

«Кто, дядя?!» – чуть было не вырвалось у меня, но, прикрыв правый глаз, я мигом прикусил язычок и сменил тон:

– Не может быть! И откуда вы только всё это знаете, лично у меня давно есть такие подозрения, но…

– А ты слезай с седла, сокол ясный, я тебе погадаю, всё как есть расскажу, поведаю!

– Всегда мечтал! – не убирая ладонь с рукояти дедовой сабли, признался я. – Слышите топот ног? Уже бегу на заветное гадание! Только денщика моего отправлю подальше с военным заданием, и тогда весь ваш, идёт?

По мимолётному движению седых бровей старухи красному от ярости Прохору быстро вернули отобранное оружие и едва ли не силой посадили на старого верного мерина…

Я пальцем подманил денщика поближе и прошептал ему на ухо:

– Беги! Забирай от табуна пятерых невзрачных лошадок и гони их к селу. Меня не жди. Бог даст, сам выберусь. А если нет… Заряди ствол серебряной пулей и пали между глаз!

– Старухе?! – сразу догадался он.

– Птицерухову, – кивнул я.

Старый казак не стал задавать лишних вопросов, но быстро сунул мне за пояс один из пистолетов. Как я помню по грохоту выстрела, палил он из второго турецкого, значит, второй ствол оставил заряженным.

– Всё. Поехал, пусть оно и не к спеху… Но ты, паря, гляди – зазря не блуди! Целься в волос, стреляй на голос, а будет туго – так надейся на друга!

Друг был один, подо мной. Бдительный арабский скакун зорко следил за дружелюбным табором, никому не веря на слово. И, по совести говоря, если б не он… если бы я всё-таки поехал на той вреднючей кобыле… было бы вообще продолжение этой таинственной истории? Как знать…

– Уехал твой соглядатай, – щербато улыбнулась старуха-цыганка. – Так уж слезай с коня, соколик, я тебе всю правду расскажу! Что было, что будет, чем сердце успокоится…

– Ох, до чего же интересно, милая бабушка, – с преувеличенной радостью откликнулся я, спрыгивая с седла. То, что на левую руку по-прежнему намотаны поводья, с первоначалу никто внимания не обратил. Как и на рукоять тульского пистолета за поясом…

– Правую ладонь давай, брильянтовый, – деловито ухмыльнулась старуха за миг до того, как холодный гранёный ствол упёрся ей в переносицу.

– С такого расстояния не промахнусь, – честно предупредил я. – А хоть ресничкой подашь знак своим – спущу курок не глядя! Чего ж тебе от меня надо, Птицерухов?

Лицо старухи-цыганки резко изменилось, теперь его исказила ничем не прикрытая дьявольская злоба. Под личиной безобидной бабки скрывался скользкий тип лет тридцати – тридцати пяти, с пошлой ухмылкой, бородкой клинышком и бегающими глазами. Рога на его грушевидной голове были аккуратно подпилены. Либо низложенный чёрт, либо колдун, продавший душу бесам, либо ещё кто, я покуда в их классификации не силён, но Катенька наверняка знает…

– Так ты, казачок, и впрямь сквозь личины видеть обучен? – уже совершенно мужским басом спросила цыганка. – Мы-то думали, брешет нервная Фифи, мало ли чего дуре озабоченной в башку стукнет. А ты, выходит, неслучайно ей колено прострелил?! Не пожалел девицу молодую, хроменькой навек оставил…

– Не девицу – ведьму, – аккуратно поправил я, не убирая пальца со спускового крючка. – Теперь мой вопрос: зачем вы меня сюда выманивали? Смысл было красть лошадей из полка? Знаете же, будь у нашего генерала чуток поменьше терпения, он бы весь ваш табор, без коней, друг за дружкой вверх копчиком пешим строем в ту же Румынию отправил! Там местные Влады Цепеши дюже любят вашего брата на кол сажать, токайское пить и под него всяческие предсказания слушать…

– Что ж. – На мгновение задумавшись, старуха-мужчина сменил (сменила) тон. – Земля слухом полнится. Вот и нам интересно стало на нового характерника полюбоваться. Ваши ведь всё больше по воинской специальности известны – бойцы великие, смерть обманывать мастера, опасность чуять да за победу малой кровью биться, а так, чтоб сквозь личины зрить… Это, яхонтовый мой, дорогого

стоит!

– Кто – мы? – чётко выделил я главное.

Цыгане за моей спиной бесшумно вынимали ножи, думая, что у меня глаз на затылке нет. Это факт, не поспоришь, но я и без того отлично знал, что они там намерены делать. Им ведь невдомёк, что араб, кося лиловым оком, бдительно следит за всем происходящим. А уж его никак не обманешь…

– Ретивый ты казачок, Иловайский, – наконец собралась с ответом старая цыганка, а я воочию видел некоторую растерянность на лице Птицерухова. – Кто тобой интересуется и кому ты поперёк глотки встал, я тебе сказать не смею. Но совет дам. Один. Напоследок. Ежели долго жить хочешь – более в Оборотный город не ходи!

– Что ж так? – Я широко улыбнулся. – Мне ваши тёмные дела без надобности. Меня лишь Хозяйкины очи карие в город тянут. Уйдёт она, и я уйду, погодите-ка малость…

– Не уйти ей. Повязана твоя Катенька. Это в городе она из себя страшную силу корчит, а доведись ей лицом к лицу со мной стать, я её в единый миг так взнуздаю, так в…

Мой большой палец без предупреждения взвёл курок. Птицерухов понял, что если он издаст ещё хоть звук, то в ответ раздастся (грянет) выстрел. Видимо, это поняли и остальные цыгане – тишина повисла такая, хоть топором её пластай, вязкую, и кусочки в платок заворачивай, пригодится отдохнуть, заложив уши на народных гулянках. Она оборвалась коротким всхлипом, когда мой жеребец молча пнул задним копытом в пах самого активного бородача с ножиком. Тот рухнул почти без звука, надеюсь, детей успел заделать заранее, потому как теперь уж… увы, не судьба…

– Только троньте её, – тепло предложил я, опуская пистолет. – Ну а мне пора, пожалуй. Вы не провожайте, не надо церемоний, здесь рядом, не заблужусь. И вот ещё, бабушка, попросите ваших соплеменников – ну того, рябого, косящего на один глаз, и хромого, лысого, с серьгой – к селу на версту столбовую не приближаться! Наши приказ получили – стрелять конокрадов без суда и следствия. Вы уж не провоцируйте больше, а?

– Ай, соколик! – Всплеснув руками, Птицерухов улыбнулся мне самой змеиной ухмылочкой. – Что такое говоришь, изумрудный мой? Зачем на бедных ромал клевещешь, зачем Бога не боишься? Да весь табор под присягой подтвердит, что дома они были, в кибитке лежали, животами мучились и никуда и на шаг от костров не отходили!

– Угу, и я поверю…

– А то тебе решать. Ты, соколик, главное дело, до полка своего доберись.

– Это угроза? – ровно уточнил я.

Улыбка Птицерухова буквально лучилась сладким ядом…

– Ой нет, золотой… Ни один цыган офицеру казачьему слова поперёк молвить не посмеет, не то что угрожать. Езжай себе вольным ветром! Ромалы тебя не тронут…

Я ведь в тот момент ещё подумал, а не застрелить ли его прямо сейчас к едрёне-фене, и нет проблем. Но что-то остановило, комплексы какие-то непонятные… Не учили меня без особой нужды первым курок спускать, но, быть может, вот именно в этом конкретном случае оно того и стоило.

Арабский жеребец сам разрешил ситуацию, мягко попятившись задом и хлёсткими ударами хвоста приводя в чувство замерших в ожидании цыган. Те, огрызаясь и проклиная нас сквозь зубы, всё-таки уступили дорогу, пока я не выпускал из правой руки рукоять надёжного тульского пистолета.

– Мы ещё свидимся.

– Ай, свидимся, молодой-красивый. Да только не тут, не на этом свете!

– Ну, если вы так на тот торопитесь, – прощаясь, я козырнул, – дождитесь меня там, я ещё на этом чуток задержусь…

Старуха-цыганка широко развела руками, что-то тихо пробормотала себе под нос, возвела глаза к небу, хлопнула в ладоши и уставилась на меня немигающим взглядом. Я неторопливо осмотрелся по сторонам. Вроде всё тихо. Никто нас преследовать не намерен, никто в погоню не рвётся, хоть и лица изумлённо вытянулись у всего табора – от седых цыган до голопузых ребятишек. Можно подумать, они тут живого хорунжего никогда не видали? Ага, на донских землях кочевать и при виде казака удивление строить – смех один…

Я толкнул араба пятками, мой конь вновь встал на дыбы (любит он у меня покрасоваться, зараза) и галопом рванул в степь догонять давно отъехавшего Прохора. Уверен, что наших лошадей он забрал, а как им вернуть прежний вид, разберёмся в безопасном месте, под прикрытием всего полка. Здесь нам явно не рады, поэтому сваливаем…

– Те хнас ол тро сэро, те розмар тит![1 - По-цыгански значит: «Чтоб пропала твоя голова, чтоб ты её разбил!»] – громовой полушёпот донесся мне вслед, и неприятная волна холодного, даже какого-то скользкого воздуха тяжёлым кулаком толкнула меня в затылок. Не особенно больно, так, скорее неприятно, не более. И ещё на губах появился какой-то сладковато-перечный привкус, такой противный, что я невольно сплюнул… Да не один, а три раза. Но как-то не особо помогло…

– Про-хо-ор! – прокричал я, когда верный конь мягким галопом вынес меня далеко от последних кибиток.

Из-за перелеска тут же показался мой старый денщик на тяжёлом мерине. Пяток наших лошадей (впрочем, всё ещё пребывающих под личинами) он на верёвке вёл за собой следом.

– Эй, Прохор! – продолжал надрываться я, пуская жеребца торжественной рысью. – Мы победили!!! Дядюшка будет до седьмого неба подпрыгивать от того, что его непутёвый племянник уделал всех и верну…

Вместо ответа мой денщик сорвал из-за спины ружьё и прицелился. Я с улыбкой обернулся – в кого это он? Вроде не в кого. Значит, в смысле… в меня?!

Какая-то неведомая сила в один момент опрокинула меня навзничь ровно в ту же секунду, как из ружейного ствола вырвался красный цветок… По сей день не

ведаю как, но чудо произошло – пуля просвистела едва ли не на волосок от моей груди, жужжа, словно злобный свинцовый шмель!

– Ты че-э-э… чего, сдурел?! – неузнаваемо тонким голосом возопил я, медленно выпрямляясь в седле. Ошарашенный араб поддержал мой вопрос мелким, но частым киванием.

Вместо ответа Прохор убрал ружьё за спину, намотал поводья уводимых лошадей на ближайший сук и, сдвинув брови, взялся за длинную пику!

– Не понял… – переглянулись мы с конём.

– За мирный Кавказ, за сожжённые станицы, за друзей, погибших под вашими клинками, – чётко и выразительно пояснил честный казак, давая шпоры мерину. – Умри, пёс чеченский!

– Кто, кто, кто?! – начал было уточнять я, но арабский жеребец оказался умнее, развернувшись на одном заднем копыте и дав дёру не задумываясь!

Что ещё раз спасло мою никчёмную жизнь…

– Стоять, сучий сын! – надрывался сзади Прохор, изо всех сил нахлёстывая коня. – Стой и дерись как джигит! Не всё ж вам из засады стрелять, ты в честном бою казаку в глаза посмотри! Стой, кому говорят, шакал крювоносый!!!

– Он – псих, – попытался на скаку рассуждать я, не забывая оборачиваться (мало ли, вдруг он пику кинуть решит?). – Или выпил вчера, или у цыганского котла чего нанюхался, или… Тпру-у!!!

Я так резко остановил бедного коня, уздой заворачивая ему голову вверх, что чуть было не опрокинулся вместе с ним навзничь.

– Сдавайся, джигит!

– Сдаюсь! – И я влепил потерявшему бдительность Прохору прямой удар кулаком в висок.

Мой верный боевой товарищ, не ожидавший такой подлости, мешком рухнул с мерина. Не тратя времени на объяснения, я быстро связал его его же поясом, с трудом погрузил на седло и рысью сгонял за брошенными лошадьми. Собственно, что делать теперь, было непонятно.

Хотя, помнится, кто-то не так давно обещался помочь…

– Таки у вас есть вопросы?

И почему я даже не удивляюсь, как быстро это бесовское семя успевает подкатиться к нашему православному брату. Мы уселись с ним нос к носу на обочине дороги, кони пощипывали запылённую траву, в небе заливались жаворонки, справа и слева стрекотали кузнечики, а старый еврей-коробейник улыбался мне во весь щербатый рот. Вопросы были короткими, а ответы пространными, за что в принципе и надо бы сказать нечистому «спасибо», да их с такой благодарности только корёжит. Что лично мне… приятно! А если по существу, то…

– Шо вы так смотрите, Илюшенька? Я же предупреждал вас, что этот Птицерухов тот ещё гад, но кто же поверит чёрту в еврейском лапсердаке? Никто! А результат вот сразу налицо и даже на всю фигуру в целом. Ой вей, да ведь вы с трёх шагов – вылитый чеченец из кавказской сакли! Как ваша нянька вас же и не пристрелила?!

– Чудом успел пригнуться, – буркнул я, незаметно, как мне казалось, ощупывая собственное лицо. – Это ведь только цыганский морок, да? На деле я прежний.

– Истинно так, друг мой! И я весь готов вам посочувствовать, так как эта дрянь крепко держится, а шоб её снять, так оно потребует времени, которого нет… Причём совсем нет!

– В каком смысле… – начал было я и осёкся. Из-за рощицы мелькнули длинные пики и высокие донские папахи: похоже, мой заботливый дядюшка на всякий случай отправил вслед за мной казачий разъезд.

– И шо они увидят через две минуты? – как ни в чём не бывало продолжал изгаляться чёрт. – Злобного чеченца с оружием, кривыми зубами и зелёной повязкой на головном уборе. А рядом с ним вашего связанного Прохора, пятёрку

цыганских лошадей и знаменитого араба, на котором уехал некий Илья Иловайский. Ой, что-то мне говорит, шо ход мыслей ваших однополчан будет очень несложно предугадать…

Ах ты, мать моя голубоглазая женщина! Да увидев такую картину, и я бы тоже вряд ли интересовался: «С какого ты аула, джигит, за солью спустился?», а рубил сплеча наотмашь и без разговоров…

– Ты обещал мне помочь!

– Шо? Я? Когда, где, на каких условиях? А долговая расписка есть или мы заключили устный договор как приличные люди? – попытался выкрутиться чёрт, но я крепко держал его за ухо.

– Перекрещу – не помилую!

– Ша! – мигом сдался коробейник, а всадники впереди удивлённо воззрились на нашу компанию. – Таки куда мне спрятать вежливого хорунжего со шпорами?

– В Оборотный город, – давно решил я. – Арка на входе снимет любые личины, а там на месте Хозяйка уж что-нибудь да посоветует…

– Лямур, тужур и в конфитюр, – не хуже моего денщика срифмовал старый еврей, сажая меня к себе на ладонь и скатывая в маленький шарик не больше дробинки. Невероятные ощущения, уж простите за недостаток подробностей и деталей, не до того было…

Просто всё происходившее находилось на такой немыслимой грани реального, что пытайся я ещё и осознать, как именно моё благородие запихивают в левую ноздрю чертячьего пятачка, так сбрендил бы ещё до того, как он выдул меня обратно. Причём уже через правую ноздрю! Помню лишь, как после двухсекундного перелёта, обомлев от ужаса и увеличиваясь прямо на лету, я всем телом рухнул на маленького беса-охранника, бдительно охраняющего очередную арку…

– Силы небесные, живой! – не сразу поверил я, лёжа спиной на мягком и лихорадочно проверяя чётность рук и ног. Вроде всё совпадало.

– Не то чтоб совсем… но живой, – ошибочно истолковав мою радость, подтвердил приплющенный бес где-то в области моей поясницы. – Слышь, Иловайский, у тя хоть на грош ломаный совесть есть? Развалился как на перине, а ить мы с тобой вроде не настолько близко знакомы для такого интимного возлежания…

– Ты мне понамекай тут, – не особо торопясь вставать, огрызнулся я. – Я с бесами совместно возлежать не стану!

– А чё ты щас со мной делаешь? – резонно выдохнул охранник.

Я задумался. Ну не объяснять же ему, что у меня дикий стресс из-за того, что попавшийся по дороге чёрт староеврейской наружности затолкал меня в одну ноздрю, а другой вытолкнул? В соплях не измазал, и уже слава тебе господи…

– Слышь, Иловайский…

– А мы знакомы? – Мысленно я обрадовался, что чеченская личина исчезла.

– Да на твою морду казачью уже каждая собака в Оборотном городе с закрытыми глазами задней лапой укажет! – буркнул бес. – Ты это… серьёзно… слезай давай, чё разлёгся-то? У меня служба!

– Я тоже при исполнении.

– Ну и слезай!

– Так ты ж стрелять кинешься, – потягиваясь, зевнул я, бес подо мной тоже вынужденно похрустел костями.

– Кинусь, конечно… как же в тя не пальнуть?!

– Ну вот… – вздохнул я.

– И чё нам теперь, до зимы бутербродом греться?! Так ты смотри, я ж скоро возбуждаться начну…

Ей-богу, в тот момент каким-то седьмым характерническим чувством я понял, что он не врёт. А стало быть, ситуация выходила из-под контроля. Нет, ничего такого он мне не причинит, честь не опозорит, но даже если какой дрянью штаны испачкает, так и уже радости мало. Не хочу рисковать…

– Так… Значит, сейчас я резко встаю, и мы оба бросаемся за твоим ружьём, кто первый добежит, тот и стреляет!

– Договорились, – согласно просипел бес. – Вот тока слезь, и посмотрим, кто кого.

– В каком смысле? Никакого «кто кого» и наоборот, я говорю, за ружьём побежим!

– Да слезь же наконец, болтун лампасовый, раздавил всё что надо и не надо…

Я подтянул колени к груди, обхватил руками, пару раз качнулся туда-сюда, вроде как «для разбега», и, бодро вскочив на ноги, схватился рукой за дуло старого турецкого ружья. Юркий бес буквально секундой позже вцепился уже в узкий изогнутый приклад, радостно завопив:

– Ага, хорунжий, проиграл?! Нашего брата по скорости нипочём не обскачешь!

– Возможно…

– Да точно, точно! Моя победа, я первый успел! А ты, дурак, к дулу кинулся, а курок-то вот, мне тока пальчиком пошевелить и…

– И что будет? – невинно полюбопытствовал я, крепко держа ствол под мышкой.

– Чё будет, чё будет… Пальну и… – Бедный охранник так ещё и не понял, в чём суть. – Ты это… дуло-то отпусти, мне так палить несподручно. Я ж не попаду!

– Был бы рад помочь, но мне пора. Хозяйка ждёт. – Я ловко развернулся на каблуках, перехватив ствол ружья под другую руку.

Бес упёрся ножками, надулся, покраснел, но всё равно поехал за мной, скользя копытцами по гравию.

– Ты чё?! Ты куда? У меня ж пост! Ты чё творишь ваще, беззаконие полное?! Я ж тя… пальну ведь, как бог свят, пальну!

– В стену или в потолок? Да валяй, мне-то с того…

– Иловайский, стой! Ты мне по традиции ружьё испортить должен, а не в город на буксире тащить! Стой, те говорю, так нечестно!

Я не останавливался. Бес вопил, верещал, ругался, грозил, матерился, проклинал, увещевал, обещал, клялся и льстил, не умолкая ни на минуту…

– Меня же уволят! Со службы попрут коленом взад, пятачком по чернозёму – праздник первой борозды! Мать твою, грешницу, да вот уже и стены городские… Стой, человеческим языком прошу, псих в папахе с мозгами набекрень! Нельзя мне туда-а-а… Смилуйся, чё хочешь сделаю-у!..

– А ладно, – пошёл я навстречу его пожеланиям. – В конце концов, мы оба люди военные. Давай сюда ружьё, сейчас что-нибудь сломаю по-быстрому, и беги на службу со спокойным сердцем…

– Ты настоящий друг, хорунжий, – с чувством подтвердил маленький усатый кавалергард, козыряя и отходя в сторону. – Кремень вывинти, и довольно, чё совсем-то казённое имущество гробить…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

По-цыгански значит: «Чтоб пропала твоя голова, чтоб ты её разбил!»

Купить: https://tellnovel.com/andrey-belyanin/koldun-na-zavtrak

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити